Глава 595: Любовь отца подобна горе!

Оставшиеся в доме люди пытались справиться с бушующими внутри эмоциями. Их злость на Мэн Хао могла достичь Небес, но у них не было другого выхода. Лестница появилась только благодаря Мэн Хао, и только он мог по ней подняться. Разумеется, они пытались сами по ней взобраться. Причём попробовали все без исключения практики с Южных Небес, но они могли только смотреть на неё, не в силах коснуться.

Несколько дней спустя они вновь собрались вместе. Они встали перед Мэн Хао и дали клятву передать ему часть своей добычи из третьего мира. Основанные на Дао клятвы были даны и засвидетельствованы. В будущем не будет иметь значения, что они найдут в третьем мире, жаловаться не будет смысла. Если они нарушат обещание, данная клятва может повлиять на их культивацию. Если бы это были обычные слова или клятва, то это не имело бы особого значения. Однако перед принятием их зароков Мэн Хао неожиданно для всех воспользовался кажущейся простой и в то же время очень опасной и безжалостной даосской магией.

Её мог культивировать любой практик на стадии Возведения Основания и выше. Называлась она Засвидетельствование Дао. Несколько дней назад Мэн Хао пришёл к двери пещеры бессмертного Кэ Юньхая и попросил у него это заклинание. В глубокой древности его использовали для скрепления клятв с помощью даосской магии. Если человек пойдёт против своего слова, то это заклинание разорвёт его душу на части и не позволит обрести великое Дао, культивация при этом придёт в упадок.

Никто из присутствующих не мог отказаться. Чтобы попасть в третий мир они осторожно поклялись на заклинании Засвидетельствования Дао, тем самым скрепив клятву. Сперва были те, кто не хотел соглашаться, но Мэн Хао даже не пришлось ничего говорить. Под давлением остальных несогласные скрепя сердце тоже дали клятву. Всё-таки никто не хотел платить, пока были люди, желающие этого избежать.

Одного они не заметили: среди присутствующих не было Чжисян и патриарха Хуяня.

Мэн Хао тоже дал клятву. Согласно их требованиям, он поднимется по лестнице. Но только он будет решать, когда это сделать. Вдобавок он пообещал, что не станет использовать своё влияние во втором мире, чтобы оказать на них давление. Им больше не придётся оставаться в тени. Наконец-то они смогут действовать в открытую.

Как же долго они ждали такого обещания. Многие гадали, были ли среди предшественников из их сект или кланов те, кому пришлось столкнуться с чем-то столь же обескураживающим, как их сделка с Мэн Хао. До этого момента они не решались действовать в открытую и даже приближаться к четвёртому пику. Когда бы в небе ни появлялась золотая молодёжь, они тут же прятались, боясь встречи с Мэн Хао. Так они провели во втором мире многие месяцы. Но это его обещание наконец-то позволило им расслабиться и насладиться солнечным светом древних времён...

Закончив с формальностями, Мэн Хао внезапно осознал, что время на исходе. Рано или поздно ему придётся покинуть этот древний иллюзорный мир и вернуться в реальность.

На самом деле практически ничто здесь не стоило того, чтобы за него цепляться. Его жизнь избалованного сына парагона, его статус — всё это было лишь сном. Проснувшись ото сна, всё это забудется. Однако существовал один человек, которого он не хотел забывать, — своего отца в этой жизни Кэ Юньхая.

Из-за отцовской любви он хотел уйти в этот сон с головой и никогда не просыпаться. Он не

хотел, чтобы сон заканчивался, не хотел забывать о Кэ Юньхае. В этом древнем иллюзорном мире он наконец почувствовал, каково это — иметь отца. Это тёплое чувство слегка приглушило печаль, многие годы таящуюся в его сердце.

Он забросил постижение даосской магии. Помимо переплавки пилюль, большую часть времени он проводил в позе лотоса перед пещерой бессмертного Кэ Юньхая. Хотя Кэ Юньхай так ни разу и не открыл дверь, Мэн Хао продолжал приходить, изредка что-то негромко рассказывая.

Его жизнь вернулась в спокойное и тихое русло, больше никаких грандиозных событий. Всё шло своим чередом. Сюй Цин по-прежнему находилась в уединённой медитации, так ни разу и не открыв глаза. Мэн Хао привык к такому стилю жизни. Изредка он ловил себя на мысли, что если бы он мог жить так вечно, то это было бы совсем неплохо.

Две недели спустя призрачные образы начали появляться каждый день. Мэн Хао знал, что скоро придёт пора уходить. Нежелание расставаться и противоречивые чувства вогнали его в состояние глубокой меланхолии.

Он посмотрел на небо, на земли вокруг, на семь пиков первых небес, на четвёртый пик и, наконец, на пещеру бессмертного Кэ Юньхая. Потом он закрыл глаза, вспомнив обо всём, что с ним здесь произошло. В самом начале он признался в своей неправоте, потом его высекли хлыстом. Следом внутри Пагоды Бессмертного Демона он увидел, насколько его любит Кэ Юньхай, его отец в этой жизни. Всё это стало незабываемыми воспоминаниями Мэн Хао. Ему внезапно нестерпимо захотелось отблагодарить Кэ Цзюсы. Он хотел отблагодарить его за то, что он помог попасть в этом место. Он хотел помочь Кэ Цзюсы выполнить его желание, как и своё собственное.

«Любовь отца подобна горе...»

Возможно, именно эта мысль повлияла на его Дао алхимии.

Эта ночь была последней, когда он переплавлял пилюли во втором мире. Он был настолько заворожён великолепием последних дней и эмоциями, существовавшими между сыном и отцом, своим почтением перед Кэ Юньхаем, что совершенно не запомнил, какие целебные травы использовал для этих пилюль. Вот о чём он думал, когда клал ингредиенты в алхимическую печь. Вкус и запах этих целебных трав символизировал различные грани души Мэн Хао. Он смешал их вместе и начал переплавку, совершенно не думая об успехе или неудаче. Для него существовали лишь воспоминания. Воспоминания обо всём, что с ним случилось в этом мире. Воспоминания о Кэ Юньхае и его отцовской любви. Воспоминания о своём детстве и туманном образе собственного отца.

Стояла безлунная ночь.

Мэн Хао, совершенно не задумываясь, переплавлял пилюли. Вскоре алхимическая печь издала не поддающийся описанию звук. Он походил на мелодию бессмертных и одновременно на погребальную песнь; иногда счастливую, иногда преисполненную тоски и меланхолии.

Песнь, несущая с собой нежелание расставаться, медленно обволокла четвёртый пик. Многие люди поднимали голову в направлении вершины горы, откуда доносилась песня. Она была подобна ветру, уносящему с собой сердца. Она разбудила их воспоминания, растревожила сердца, заставила вспомнить прошлое.

В глубине своих воспоминаний все люди были разными.

Некоторые были детьми, которые только выросли. Они видели сутулую спину своего отца и понимали, что он уже давно немолод… а потом их сердца пронзала нестерпимая боль.

Другие помнили, как они вели себя, когда были молодыми. На строгость отца в них поднималась бунтарская волна и они про себя ворчали: «Может, уже хватит нести чепуху?!» Вот только спустя много лет при виде их седовласого отца, лежащего в постели, они сжимали его тонкую руку и со слезами на глазах мысленно умоляли: «Отец… пожалуйста, поговори со мной ещё немного!»

Услышав песню, люди прекращали заниматься культивацией. Вспоминая прошлое, они смотрели на горный пик и беззвучно рыдали.

Сюй Цин открыла глаза, не понимая, почему грудь будто сдавили тиски. Она вспомнила о своём доме и о уже ставших нечёткими лицах своих давно умерших родителей.

— Я хочу домой… — прошептала она.

Песня из алхимической печи эхом разносилась по всему четвёртому пику. Мэн Хао был слишком погружён в свои мысли, чтобы это заметить. Переплавка пилюль чем-то напоминает написание музыки или резьбу по дереву. Человек может взять свои невыраженные мысли и чувства и вложить их все в своё творение.

Звук переплавки целебных пилюль сперва звучал просто и неярко, но потом в нём появились эмоции. Он нёс с собой мысли и чувства Мэн Хао, словно у него появилась своя собственная жизнь, свой дух. Эта музыка превосходила все звуки, на которые была способна природа. Всё-таки самым сильным чувством всегда была и будет любовь… И, хотя романтическая любовь прекрасна, она бледнеет в сравнении с самозабвенной любовью семьи.

Со временем ученики третьего и пятого пика тоже услышали песнь переплавляемых пилюль. Она не требовала объяснений. Услышав её, люди прекращали заниматься культивацией и молча поднимались на ноги. Песня напомнила им об их отцах. Всё больше и больше учеников умолкали, слушая, как их обволакивает мелодия, воскрешающая давно забытые воспоминания.

«Отец рядом, у него во рту трубка, а лицо покрыто морщинами. Он повернул ко мне голову и улыбнулся той самой улыбкой, что всегда успокаивала меня, и нежно взъерошил мне волосы.

В солнечных лучах я сижу на плечах отца и мне кажется, что я парю высоко в небе. Как же я радостно смеялся. Тогда я не знал, что мой смех был настоящим счастьем для отца.

Я не хочу видеть, как его сильные и крепкие руки постепенно слабеют и покрываются морщинами…»

Услышав песню, Ван Лихай сразу же вышел из медитации. Вглядываясь в темноту ночи, он вспоминал о своём строгом отце.

Хань Бэй чувствовала, как её сердце разрывается на части. Она склонила голову, вспомнив своего отца и как он хромал, когда они много лет назад вместе гуляли по секте Чёрного Сита.

Вскоре песню услышали на втором и шестом пике. Её переполняла отцовская любовь, настолько сильная, что её невозможно было развеять. Даже самые злые люди на Небе и Земле невольно предались бы воспоминаниям, услышь они эту песню.

«Я помню, как ты поднял на меня руку и как я разгневанно посмотрел на тебя в ответ. Я

оттолкнул тебя и ушёл, громко хлопнув дверью, так и не увидев, как ты задрожал, не увидев разочарования в твоих глазах.

Одной дождливой ночью я слёг с серьёзной болезнью. Я открыл свои помутневшие глаза и увидел твою склонённую седую голову перед статуями богов, как ты молился, чтобы мне стало лучше. Ты продал всё, что у тебя было, чтобы я полностью излечился.

Увидев это, мои руки задрожали, а сердце защемило от боли. Я хотел открыть рот и сказать...

"Отец, я был неправ"».

Песня переплавляемых пилюль достигла первого и седьмого пика. Её было слышно на всех первых небесах секты Бессмертного Демона. Её слушали все: ученики внешней секты, внутренней секты, конклава, старейшины... все. Эта песнь затронула самые тонкие струны души даже самых могущественных людей в мире — бессмертных, заставив их вспомнить прошлое.

Был сотворён резонанс, были разбужены воспоминания. В этот миг во всей секте не было слышно ни звука, кроме одной единственной песни... Люди слушали её и вспоминали о прошлом.

Парагоны первого, второго, третьего, пятого, шестого и седьмого пика... все шесть парагонов сейчас слушали песню. Все они с печалью смотрели на четвёртый пик. Они видели, что Мэн Хао переплавляет пилюли, слышали его беззвучный голос в песне. Даже парагон, который больше всех не любил Кэ Цзюсы, тяжело вздохнул.

— Он... наконец вырос. Брат Юньхай... я желаю тебе... счастливого пути.

В этот момент в секте Бессмертного Демона раздался ещё один звук. Звук колоколов... погребальный звон...

http://tl.rulate.ru/book/96711/167590